

И. С. Выходцева, Л. П. Прокофьева

Саратов, Россия

**Интерпретационные возможности
лексической и фонетической семантики в художественном тексте
(на материале обращений в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»)**

Using interpretive analysis this work attempts to elicit ideological attitudes encoding from a literary text at different levels: lexical (conscious) and phonosemantic (in a greater degree subconscious and nonconscious). Based on forms of address from the “Dog’s Heart” after M.A. Bulgakov.

Интерпретация как инструмент человеческой практики в филологической науке всегда оставалась в фокусе интереса исследователей как в теоретическом, так и сугубо практическом аспектах, хотя общеприемлемого определения ей до сих пор еще не дали. Особенно много попыток дефиниции понятия предпринято при работе с художественным текстом, что понятно и объяснимо: ежедневно именно такая интерпретация возникает во время любого непрофессионального чтения и связывается с общим впечатлением от прочитанного. Она стала основой школьного прочтения литературного произведения¹. Сложности возникают, когда к «впечатлению» присоединяется «знание» (моделей, методов, приемов, способов вычленения смыслов), в конечном итоге ставящее своей целью реконструкцию художественной модели мира. И здесь вопросов больше, чем ответов.

Лингвистический анализ, который правильнее было бы назвать лингвистической интерпретацией, получил значительное развитие в современной филологии. По словам В. З. Демьянкова, «При интерпретации на текст накладываются не готовые, а конструируемые параллельно гипотезы. Интерпретация как таковая нацелена на модифицирование внутреннего мира субъекта, а анализ – на само выражение, на его преобразование или оценку»². Подобных гипотез накопилось великое множество, стратегия изучения текстов ориентирована на все более глубокое погружение в

¹ Лингвистический (шире – филологический) анализ текста с начала 90-х гг. вошел составной частью в программы средней (полной) школы и филологических факультетов вузов России. Часть С Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в первые годы введения данной системы (2004-2007) также предполагала упрощенный, но все-таки анализ художественного или публицистического текста.

² В. З. Демьянков, *Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ*, Москва 1989, с. 6.

направлении наименее осознаваемых уровней: мифологических, экстралингвистических, собственно языковых, ритмических, фоносемантических и т. д. И тут перед исследователем встает вопрос: «А что же, собственно говоря, он планирует получить в результате интерпретации?» А. А. Потебня писал: «Кто разъясняет идеи, тот предлагает свое собственное научное или поэтическое произведение»³. А М. Эпштейн настаивал, что «Интерпретация основана на принципиальной «открытости», многозначности художественного образа, который требует неограниченного множества толкований для полного выявления сути»⁴. И тот и другой подход не противоречат главному – в процессе интерпретации выявляются как заложенные при рождении текста авторские смыслы, так и актуальные для исследователя личностные смыслы, predeterminedенные конвенциями эпохи в обществе.

Специфика современного этапа развития отечественной лингвистики позволяет не только обновить подходы к изучению традиционных объектов анализа, но и выдвинуть в качестве новых объектов феномены синкретического свойства, находящиеся на пересечении различных областей знания. С этой точки зрения значительный интерес представляет исследование лингвофоносферы в соединении со сферой визуального восприятия, так как именно там гипотетически заключены самые древние (изначальные, отприродные) связи между формой языкового знака и его содержанием. Наши экспериментальные исследования звуко-цветовых ассоциаций в разных языках позволили утверждать, что любой язык обладает глубинной цветовой матрицей, зафиксированной национальной протосистемой таких ассоциаций, причем набор ведущих цветов не только социально и культурно детерминирован, но и отражает картину мира на уровне фоносемантики. Вероятно, значимость цветов (равно как и связанных с ними эмоций) варьируется в зависимости от национального языка. Поэтому выявление специфических систем цветовой символики звука позволяет дополнить складывающиеся знания об обобщенной картине мира еще одной важной составляющей, зафиксированной в языке.

Разработанная и уточненная в последние десятилетия методика фоносемантического анализа дает возможность обнаружить глубинные смыслы, заложенные на звуковом (и шире – фоносемантическом) уровне. Здесь исследователь может считывать кодировки авторского бессознательного/ подсознательного, несущие информацию о тексте, об авторе, о времени. Думается, что соединение традиционного

³ А. А. Потебня, *Эстетика и поэтика*. Москва 1976, с. 331.

⁴ М. Эпштейн, *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 9, Москва 1978, с. 330.

лексического анализа и возможностей фоносемантики могут дать импульс для изучения взаимоотношения эксплицитных и имплицитных связей, которые оказываются зачастую значимыми в оценке смысловой насыщенности текста.

Повесть М. Булгакова «*Собачье сердце*» предоставляет исследователю уникальную возможность рассмотреть в речи персонажей столкновение «старого, традиционного» и «нового, советского», культуры и бескультурья, причем в крайних позициях (Преображенский – Швондер). Речь героев четко делится в соответствии с образовательным уровнем, с одной стороны, и социальным положением с другой. На эту особенность указывают все исследователи творчества М. Булгакова, которые если даже не останавливаются на анализе языка персонажей, то обязательно констатируют разницу между ними. Нас же заинтересовала возможность фиксации смыслов и их интерпретация на ограниченном лексическом отрезке (однако играющем огромную роль в характеристике персонажей и времени в целом), каким является обращение. Сформулируем гипотезу о существовании/отсутствии своеобразной кодировки идеологических установок в тексте на разных уровнях – лексическом (сознательном) и фоносемантическом (в большей степени подсознательном и бессознательном). Для ее проверки проведен трехэтапный эксперимент, в ходе которого использовались 1) методика лексико-семантического анализа, 2) компьютерная программа фоносемантического анализа языковых единиц (слов, словосочетаний, целого текста), 3) аудиторский эксперимент по восприятию обращений. Одновременно шло сравнение, сопоставление, анализ всех полученных данных.

На первом этапе методом сплошной выборки из текста выделено около 230 лексических единиц: *Филипп Филиппович* (40 лексем), *профессор* (33), *доктор* (22), *Шариков* (13), *голубчик* (12) и т.д. В качестве обращений в тексте повести используются имена, фамилии героев (*Филипп Филиппович, Иван Арнольдович, Шариков, Зина, Зинуша, Дарья Петровна, Федор*); наименования лиц по роду занятий и занимаемой должности, положению (*профессор, доктор, учитель*); этикетные формулы (*милостивый государь, сударыня, господа, господин, мосье, гражданин, товарищ*); эмоционально-оценочные вокативы (*детка, голубчик, мерзавец, болван, гнида, чудак, бедняжка*); кличка (*Шарик*). Наиболее частотна первая группа – имена и фамилии героев (около 90 словоупотреблений). Данные вокативы используются в речи обывателей квартиры профессора Преображенского: по имени отчеству обращаются друг к другу профессор и доктор Борменталь, по имени обращается Преображенский к своим помощникам по дому. Этот тип характерен для героев, которые живут по

дореволюционным устоям жизни, по этикету, подчеркивая, прежде всего, уважительное отношение друг к другу. Например: «- *Иван Арнольдович*, бросьте вы отвечать. Идите в спальню, я вам туфли дам. – Ничего, *Филипп Филиппович*, какие пустяки»⁵ (с. 393). Обращаясь к помощнице по хозяйству Зине, профессор использует разговорный уменьшительно-ласкательный вариант Зинуша, а когда Шариков называет ее Зинкой, Преображенский строго запрещает подобное обращение как недопустимое по отношению к женщине. Именно обращение по имени отчеству, по мнению профессора, является нормативным, поэтому, когда Шариков называет его *папашей*, герой возмущен подобным просторечным обращением: « - Что-то вы меня, *папаша*, больно утесняете, - вдруг плаксиво выговорил человек. Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули. - Кто это тут вам *папаша*? Что это за фамильярности? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня *по имени и отчеству!*» (с. 383). Свое отношение к этому обращению профессор высказывает и при подобном диалоге Шарикова и доктора Борменталья:

«Дней через шесть [...] явился молодой человек, оказавшийся женщиной, и вручил ему документы, которые Шариков немедленно заложил в карман и немедленно после этого позвал доктора Борменталья. - *Борменталь!* - *Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте!* Отозвался Борменталь, меняясь в лице. - Ну и меня называйте по имени и отчеству! - Совершенно основательно ответил Шариков. - Нет! - Загремел в дверях Филипп Филиппович, - по такому имени и отчеству в моей квартире я вас не разрешу называть. Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно "*Шариков*", и я и доктор Борменталь будем называть вас *господин Шариков*» (с. 402).

Парадоксальная ситуация – доктор, всегда настаивающий на этикетном обращении по имени и отчеству, отказывается сам делать это по отношению к Шарикову! Возможно, что это не только потому, что его носитель – бывший пес. Конечно, имя Полиграф Полиграфович не нравится профессору: его нет и не может быть в святцах, оно неблагозвучно, содержит звук «ф», имеющий в языковом сознании русского человека ассоциацию с чем-то негативным⁶. Но ведь многие вполне

⁵ Здесь и далее все ссылки на текст даются по изданию М.А.Булгаков *Собачье сердце. Повести и рассказы*, Москва 1990, 446 с. В скобках после цитаты указывается страница.

⁶ См., например, А. П. Журавлев *Фонетическое значение*, Ленинград 1974, 160с.

традиционные для того времени имена содержали «ф» – Агафон, Акинфий, Афиноген, Варфоломей, Прокофий и мн.др., а выбранное Шариковым имя создано по аналогии с Поликарп Поликарпович, но на основе модного в те времена индустриального термина по «новым святцам» советского времени – календарю. Так почему же такая реакция? Вот здесь начинается второй этап эксперимента: к интерпретации подключаются данные фонетической семантики, полученные в ходе автоматизированного анализа звуко-цветовой ассоциативности слов-обращений⁷. При этом имелось в виду, что выделение разных уровней переработки интеллектом человека различной информации (в том числе и цветовой) приводит к закономерной мысли о существовании организованной системы значений, связанной с объективными и субъективными факторами и способной проявляться с большей или меньшей степенью регулярности. Мы попытались сгруппировать основную семантизированную (не семантическую! потому что осознаем, что однозначно говорить о семантике цвета по меньшей мере самонадеянно – это прерогатива специалистов) в нескольких комплексных таблицах, которые могут стать одним из инструментов интерпретации цветовой информации в прикладных целях (например, в художественном тексте)⁸. Обобщенно-психологическая структура цвета, по мнению, П. В. Яньшина, раскрывается во взаимодействии с человеком на трех основных планах: организма, эмоций и мышления, понимая под последним способность различать объектные характеристики (идеи) цветов (по В. Кандинскому)⁹. В наиболее общем виде структура цветового значения, таким образом, представляется в виде поля, в котором ядром будут являться наиболее универсализированные *физиологические* реакции, периферией – *эмоциональные* и *коннотативно-ассоциативные* реакции на цвет. Кроме значений, связанных с человеком *непосредственно*, кажется рациональным выделение значений, *опосредованных* Культурой, или *символических* значений цвета. Обобщение их находим в книгах психолога Н. В. Серова, разработавшего таблицы семантики цветовых сублиматов¹⁰. Используя их, интерпретируем полученные экспериментальные данные по звуко-цветовой ассоциативности графонов русского языка как связанную в большей мере с сознательным (белый и синий), в меньшей с бессознательным (черный) и

⁷ О программе и методике анализа см. Л. П. Прокофьева *Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное*, Саратов 2007, с. 169-176.

⁸ Там же, с. 71-98.

⁹ П. В. Яньшин *Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта*. Автореф. дисс... докт. психол. наук, Москва 2001.

¹⁰ Н. В. Серов *Хроматизм мифа*, Ленинград 1990.

подсознательным (красным), поэтому ключевыми словами описания ее значения будут *духовность, борьба (сила), бесконечность, смерть*.

Комплекс звукобукв *Полиграф Полиграфович* оценивается компьютерной программой как *плохой, темный, страшный, злой*; с точки зрения звуко-цветовой ассоциативности – *красный, синий, черный*¹¹. Интерпретируя цветовую информацию с помощью таблиц, получаем родственные признаки: *гнев, страстное желание, смерть*¹². Шариков, конечно, выбирал актуальное времени имя, но вот личностные смыслы, которыми руководствовался автор, создали окказионализм-имя не только созвучное эпохе, но и фоносемантически «говорящее» подсознанию носителя русского языка. Вполне вероятно, что в этом случае также имело место «семантическое опустошение» (по А. М. Селищеву), в ходе которого обычный термин трансформировался в имя с негативной коннотацией¹³.

Следующая по частотности группа обращений – наименования лица по роду занятий и занимаемой должности (60 словоупотреблений). В данной группе самыми частотными являются вокативы *профессор* (33) и *доктор* (22); первый используют все пациенты при обращении к Преображенскому: «Вошедший очень почтительно и смущенно поклонился Филиппу Филипповичу. - Хи-хи! Вы маг и чародей, *профессор*, - сконфуженно вымолвил он» (с. 344); его же используют представители новой власти, пытаясь «уплотнить» квартиру профессора: «- Знаете ли, *профессор*, - заговорила девушка, тяжело вздохнув, - если бы вы не были европейским светилом, и за вас не заступались бы самым возмутительным образом [...], вас следовало бы арестовать» (с. 352). Обращения *доктор, дорогой доктор, доктор Борменталь* всегда использует профессор по отношению к своему ученику. Фоносемантический анализ не дает нам возможности говорить об особенности этих слов – их оценка находится в границах средних, универсальных, свойственных языку в целом.

Следующая группа вокативов - этикетные формулы (*милостивый государь, сударыня, господа, господин, мосье, гражданин, товарищ*) наглядно отражают всю палитру обращений советской России начала 30-х гг. Это переломное время, когда «новые люди советской России» приняли в качестве универсальных обращения

¹¹ Все данные выстроены по мере убывания признака.

¹² Чтобы избежать упреков в тенденциозности, сразу оговоримся, что интерпретация подсознательно-бессознательных ассоциаций изначально гипотетична, так как опирается на экспериментальные данные, полученные в результате опроса 1000 носителей русского языка как родного.

¹³ Неслучайно имя и фамилия Шарикова стали нарицательными, как, впрочем, и фамилии профессора Преображенского и доктора Борменталья (но в значительно меньшей степени!). По нашему мнению, не последнюю роль тут сыграл фоносемантический «ореол» данных слов.

товарищ или *гражданин*, а «старая интеллигенция» использует уже устаревшие обращения *господа*, *сударыня*, *милостивый государь*.

Обращение *товарищ* становится символом советской эпохи. С. Волконский в статье 1923 года «О русском языке» обвиняет русскую революцию в том, что она опошшила и испакостила слово *товарищ*:

«Слово «*Товарищ!*» Какое прекрасное, священное слово! *Товарищ по школе, товарищ по полку, товарищ по несчастью...* [...] Что же сделали из него? Незнакомый к незнакомому подходит: «*товарищ, позвольте закурить*». Чекист обыскивает вас: «*ну, товарищ, выворачивайте ваши карманы*». Оно превратилось в совершенно бессодержательное обращение – вылущенное, выпотрошенное слово. [...] Достаточно, чтобы какое-нибудь слово было пущено революционным классом в широкий действенный оборот, и оно уже тем самым превращается в разрушительную силу для «родного языка» тех классов, которые отстраняются от господства и главенства»¹⁴ (с. 254-255).

А. Вежбицка совершенно справедливо назвала *товарищ* «ключевым словом советского русского языка»¹⁵. История России и СССР (а в первую очередь, история развития русского языка в XX в.) предоставляет исключительно интересный материал для изучения влияния власти и социальных перемен на обращение. Существует устойчивое мнение (как лингвистическое, так и общественное), что Октябрьская революция и пришедшая с ней власть полностью разрушили существовавшую систему вокативов и фактически лишили русский язык нейтральной формы обращения к незнакомым людям. Не отрицая в целом это мнение, следует сделать, по крайней мере, два уточнения. Во-первых, абсолютно нейтрального обращения в русском языке не существовало и до революции. Во-вторых, разрушена была не вся система, а ее часть, может быть, правда, самая заметная (например, по художественной литературе). Резкие и принципиальные изменения коснулись очень частотных и, так сказать, официальных обращений, а по существу слов *сударь/сударыня*, *господин/госпожа*, *товарищ*, *гражданин/гражданка* и обращений типа *Ваше превосходительство*. После Октябрьской революции из речи практически исчезли обращения *сударь/сударыня* и обращения типа *Ваше превосходительство* (последние функционировали в достаточно

¹⁴ С. М. Волконский *О русском языке* в кн.: его же, *Современные записки*, 1923, кн. XV, с. 243-261.

¹⁵ А. Вежбицкая *Понимание культур через посредство ключевых слов*, Москва 2001, 288 с.

узкой сфере при очень жестко заданных статусах говорящего и адресата и специального лингвистического интереса не представляют). Постепенно вытеснялись обращения *господин/госпожа и дамы и господа*, так что сфера их применения чрезвычайно сузилась (в позднее советское время они сохранились лишь как обращения к иностранцам из несоциалистических стран). С другой стороны, стали активно использоваться обращения *товарищ и гражданин/гражданка*, но правила их употребления довольно сильно отличались от правил употребления дореволюционных «нейтральных» обращений. Поэтому следует говорить не о замене одних обращений другими, а о замене одной системы обращений на другую. Несколько огрубляя, можно сказать, что крестьяне, слуги, рабочие, солдаты (сюда же относятся и дети) не должны были быть в нормальных условиях их адресатами, да и на роль говорящего также накладывались сильные запреты. В той же социальной среде, где эти слова функционировали свободно, их употребление подчинялось правилам: при безымянном обращении к одному или нескольким незнакомым или малознакомым людям использовалась пара *сударь/сударыня* (с соответствующим различием по полу), хотя, возможно, точнее говорить не о малознакомых, а о неблизких людях. При подобном обращении к хорошо знакомому или близкому человеку, естественно, возникал эффект отчуждения. При безымянном обращении к нерасчленяемой группе людей разного пола использовалось обращение *дамы и господа*, и просто *господа* в случае мужского пола. Слова *господин/госпожа* использовались при официальном общении (т. е. при наличии заранее заданных статусов адресата и говорящего и социальных отношений между ними), а также при общении с малознакомыми людьми (в функции оклика, узнавания и т. п.), но при этом всегда в сочетании с аппозитивным членом: либо с фамилией, либо с названием некоторых профессий или званием (*господин Иванов, господин учитель* и т. д.). Можно сказать, что все подобные обращения подразумевали определенный социальный статус адресата. Революция неизбежно должна была устранить социальное неравенство, связанное с употреблением описанных обращений. В частности, одна из возможностей состояла в расширении социальной сферы их применения, однако этого не произошло. Фактически властью было введено новое обращение *товарищ* с претензией на замену всех отмеченных выше слов во всех отмеченных употреблениях. Во-первых, *товарищ* называет лицо независимо от его пола. Во-вторых, *товарищ* может употребляться как в сочетании с фамилией (профессией или званием), так и без нее (*товарищ Иванова; товарищ проводник; товарищ майор; Товарищ, подождите*). С идеологической точки зрения слово *товарищ* имело очевидные преимущества: его

использование в качестве обращения подразумевало прагматическое равенство говорящего и адресата и, кроме того, для него была характерна сниженность статуса адресата по сравнению со старыми обращениями (ср. *товарищ проводник* и невозможно *господин проводник*).

Препятствием для широкого распространения обращения *товарищ* стали его идеологические коннотации. Поначалу существовало противопоставление двух классов – «*господ*» и «*товарищей*», т. е. людей, употребляющих соответствующие обращения. Обращение *товарищ* для части носителей языка было оскорбительным, для другой же части обращение *господин* свидетельствовало о принадлежности собеседника к идеологически враждебному классу. После вытеснения старых обращений отмеченное «классовое» противопоставление носителей языка отчасти переросло в противопоставление людей, употребляющих и не употребляющих обращение *товарищ*. Его использование как бы подчеркивало включенность говорящего в советскую систему, и поэтому даже в позднюю советскую эпоху оно, несмотря на то, что постоянно было на слуху, избегалось некоторыми носителями русского языка. Фоносемантический анализ этого обращения дает признаки, схожие, как ни странно, с именем Шарикова: *страшный, слабый, трусливый, красный, черный*. Может быть, вследствие негативной звуковой ассоциативности этого слова, оно не употреблялось до революции самостоятельно, а только в составе словосочетаний (см. примеры выше). Такой же анализ слова *господин* дает признаки: *простой, мужественный, синий*. Отличия в коннотациях зафиксированы уже на подсознательно-бессознательном уровне! Находим это противопоставление и в тексте повести:

«- Вы, *господа*, напрасно ходите без калош в такую погоду, - перебил его наставительно Филипп Филиппович, - во-первых, вы простудитесь, а, во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские. Тот, с копной, умолк и все четверо в изумлении уставились на Филиппа Филипповича. Молчание продолжалось несколько секунд и прервал его лишь стук пальцев Филиппа Филипповича по расписному деревянному блюду на столе. - Во-первых, мы *не господа*, - молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида» (с. 368). Далее: «- В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, *милостивый государь*, прошу снять ваш головной убор, - внушительно сказал Филипп Филиппович. - Я вам *не милостивый государь*, - резко заявил блондин, снимая папаху» (там же); или «- Я *не господин, господа все в Париже!* - Отляля Шариков. - Швондерова работа! - Кричал Филипп

Филиппович, - ну, ладно, посчитаюсь я с этим негодяем. Не будет никого, кроме господ, в моей квартире, пока я в ней нахожусь!» (с. 402).

Частица *не* в данных примерах не просто отрицает обращение, но отражает неприятие подобных выражений профессором Преображенским, который, отвергая слово, отвергает саму возможность быть *товарищем* Шарикову:

« - Да что вы все попрекаете - помойка, помойка. Я свой кусок хлеба добывал. А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, *товарищ*? - *Филипп Филиппович!* - Раздраженно воскликнул Филипп Филиппович, - я вам *не товарищ!* Это чудовищно! "Кошмар, кошмар", - подумалось ему» (с. 384).

Следующая группа эмоционально-оценочных обращений включает в себя разнообразную по семантике группу вокативов с положительной и отрицательной оценкой. Обращения, как компонент этикета, характеризует уровень культуры человека: этикетные, представляющие собой нормативную лексику (*голубчик, детка, бедняжка, чудак*), и неэтикетные – ненормативный пласт языка (*скотина, мерзавец, болван, свинья, гнида*). Этикетные обращения использует профессор, когда у него хорошее настроение, по отношению к своим домашним и пациентам: « - Ну, что ж, - прелестно, все в полном порядке. [...] Одевайтесь, *голубчик!*» (с. 345). Но проследим, как меняется речь персонажей по отношению к Шарик/Шарикову по мере развития сюжета: сначала *Шарик, Шарик, господин Шарик*, разговорное, но ласковое *дурачок* (Преображенский); затем, по мере проявления характера животного, – *скотина, болван, свинья, хулиган* (Преображенский), *бродяга* (Борменталь); *черт лохматый* (Зина), *беспризорный карманник* (Дарья Петровна), но с момента превращения в человека подобные выражения никто уже не использует, употребляя нейтральное обращение *Шариков* или ироничные *господин Шариков, мосье Шариков*. Этикетную форму по имени отчеству в доме профессора по отношению к нему никто не использует: вне зависимости от поведения персонажа, внутренние убеждения и воспитание изменению не подлежат!

Другая ситуация наблюдается в речи Шарикова: когда он был собакой, в его внутренней речи не было ненормативных обращений, его обращения к людям, которые забрали его с улицы в дом были вежливо-подобострастные, Филипп Филиппович для него – божество (*господин, о, бескорыстная личность, о, мой властитель, мой*

благодетель), хотя он не упускает возможности ему нагадить: «Ладно, будете вы иметь калоши завтра, *многоуважаемый Филипп Филиппович*,- думал он, - две пары уже пришлось прикупить и еще одну купите» (с. 370). После операции первыми словами Шарикова становятся ненормативные: «От кальсон отказался, выразив протест хриплыми криками: "в очередь, *сукины дети*, в очередь!"» (с. 377) или «Именно: когда профессор приказал ему: "не бросай объедки на пол" - неожиданно ответил: "отлезь, *гнида*"» (с. 378). Подобные вокативы – не только своеобразное наследство от старой жизни собаки, но и люмпенизированный лексикон его «донора» Клим Чугункина:

«Клим Григорьевич Чугункин, 25 лет, холост. Беспартийный, сочувствующий. Судился 3 раза и оправдан: в первый раз благодаря недостатку улик, второй раз происхождение спасло, в третий раз - условно каторга на 15 лет. Кражи. Профессия - игра на балалайке по трактирам. Маленького роста, плохо сложен. Печень расширена (алкоголь). Причина смерти - удар ножом в сердце в пивной» (с. 375).

В конце повести, когда Шарик снова становится собакой, в его внутренние монологи возвращаются уважительно-почтительные обращения к своему хозяину: *седой волшебник, важный человек*. Так даже на уровне слов-обращений в речи персонажей проявляются влияние социума.

Третьим этапом эксперимента было аудиторское анкетирование с использованием метода семантического дифференциала, разработанного в 1952 году группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом. Нами была составлена анкета, в которой 130 информантам 18-19 лет (40 девушек, 90 юношей) было предложено оценить 2 группы обращений – этикетные формулы и эмоционально-оценочные образования – с точки зрения, кто мог их использовать в речи, по шкале от -2 до +2, где -2 – необразованный, невоспитанный человек, -1 – образованный, но недостаточно воспитанный, 0 – любой человек, +1 – среднеобразованный, воспитанный, +2 – образованный, воспитанный. Результаты сведены в таблицы 1 и 2:

Таблица 1

Этикетные обращения

	+2	%	+1	%	0	%	-1	%	-2	%
<i>Товарищ</i>	2	1,5	48	36,9	70	53,8	10	7,7	0	0
<i>Господин</i>	44	33,8	58	44,6	28	21,5	0	0	0	0
<i>Гражданин</i>	6	4,6	44	33,8	76	58,5	4	3	0	0
<i>Сударыня</i>	90	69,2	30	23	10	7,7	0	0	0	0

<i>Милостивый государь</i>	96	73,8	24	18,5	10	7,7	0	0	0	0
<i>Профессор</i>	20	15,4	30	23	80	61,5	0	0	0	0
<i>Доктор</i>	8	6,1	22	16,9	100	76,9	0	0	0	0

Таблица 2

Эмоционально-оценочные обращения

	+2	%	+1	%	0	%	-1	%	-2	%
<i>Гнида</i>	0	0	0	0	2	1,5	18	13,8	110	84,6
<i>Папаша</i>	0	0	0	0	40	30,8	72	55,4	18	13,8
<i>Сукины дети</i>	0	0	0	0	6	4,6	44	33,8	80	61,5
<i>Живодеры</i>	0	0	10	7,7	88	67,7	20	15,4	12	9,2
<i>Братцы</i>	4	3	30	23	82	63,1	14	10,8	0	0
<i>Чудак</i>	8	6,2	20	15,4	92	70,8	8	6,2	2	1,5
<i>Дурачок</i>	0	0	18	13,8	82	63,1	26	20	4	3
<i>Скотина</i>	0	0	0	0	4	33	56	43,1	70	53,8
<i>Мерзавец</i>	0	0	24	18,5	72	55,4	24	18,5	10	7,7
<i>Бродяга</i>	12	9,2	20	15,4	80	61,5	18	13,8	0	0
<i>Болван</i>	8	6,2	12	9,2	40	30,8	60	46,2	10	7,7
<i>Свинья</i>	0	0	0	0	54	41,5	36	27,7	40	30,8
<i>Голубчик</i>	28	21,5	44	33,8	42	32,3	26	20	0	0
<i>Детка</i>	4	3	34	26,2	68	52,3	24	18,5	0	0

Самым нейтральным вполне ожидаемо оказалось обращение *доктор* (76,9), затем *профессор* (61,5), *гражданин* (58,5), *товарищ* (53,8). В современной речевой ситуации России первые два вокатива используются нечасто (второе реже первого), но всегда присутствует четкая принадлежность к профессии или званию, поэтому отрицательные коннотации невозможны¹⁶. Фоносемантическая оценка нейтральная: звуко-цветовая ассоциативность соответствует национально обусловленной без особенностей¹⁷. Оценка обращений *гражданин* и *товарищ* сосредоточена в зоне +1 (среднеобразованный, воспитанный), что демонстрирует их «стертость», переход на малоосознаваемый уровень использования в речи. Интересно отметить, что только у этих этикетных вокативов присутствует оценка в отрицательной зоне -1 (образованный, но недостаточно воспитанный). По нашей гипотезе, это может быть связано именно с фоносемантикой. Про слово *товарищ* говорилось выше, а вот *гражданин* получает *сине-красную* цветовую оценку (интерпретируется как *гнев, страстное желание*) и

¹⁶ Профессия врача, как и научное звание (к сожалению, несколько девальвированное «профессорами» из чиновников) были и остаются знаком принадлежности к определенному социальному слою, являются знаком высокого статуса.

¹⁷ Цветовая палитра русского языка, зафиксированная на фоносемантическом уровне – черно-бело, синяя и красная гамма – составляет универсальную матрицу, находящуюся в начальной стадии кодирования цвета уже на уровне бессознательного.

параметры *мужественный, грубый, большой*. Возникающее противоречие в существующем подсознательно фоносемантическом содержании слова и его видимым нейтральным употреблением дает нам возможность говорить об исходном конфликте лексической и фонетической семантики, что находит отражение в речевой практике. Словарное значение и использование слова в речи демонстрирует смещение значения в сторону высокого стиля (*почетный гражданин, паспорт гражданина РФ*), тогда как вокативы дают обратную тенденцию (*гражданин начальник, граждане, что случилось?!¹⁸*).

Другая ситуация со словами *милостивый государь сударыня* и *господин*, оценка которых информантами сместилась в зону +2 (образованный, воспитанный), что закономерно связано с устаревшим характером вокативов. В России нового времени были попытки возродить обращения *сударь* и *сударыня*, но успехом они не увенчались. Причин может быть множество, но обращение к фоносемантике позволяет предположить что повлияло на это глубинное значение, заложенное в звуках: *сильный, мужественный, большой, синий, красный*. Заметим, что это самые информативные признаки по отношению к обоим словам. Вспомним, что расчет вокатива *господин* дал признаки *простой, мужественный, синий*. В сознании и подсознании современного носителя русского языка слова *сударь* и *господин* не имеют разницы в значении, а вот обращение к даме вызывает некоторый фоносемантический диссонанс¹⁹.

Ситуация со словами второй группы качественно иная – оценки аудаторов смещены в отрицательную зону, за исключением вокативов, оценка которых сконцентрирована в нейтральной зоне: *чудак* (70,8%), *дурачок* (63,1%), *бродяга* (61,5%), *детка* (52,3%), *голубчик* (32,3%) и слов *живодеры* (70,8%) и *мерзавец* (55,4%), неожиданно тоже получивших нейтральную оценку. Фоносемантика «аккомпанирует» языковому значению первого – *страшный, грубый* – и противоречит второму – *маленький, добрый, нежный*. Скорее всего, нейтральная оценка информантов связана с наличием у слова прямого профессионального значения слова, тогда как у второго оценочность – главная часть семантики. В целом эмоциональные вокативы реализуют национально обусловленную систему звуко-цветовой ассоциативности, актуализируя те или иные базовые цвета, усиливая тем самым остроту их аудиторского восприятия: черно-красный (*чудак*) сине-коричневый (*гнида*), красно-черный (*папаша*), сине-черно-зеленый (*сукины дети*), желто-синий (*живодеры*), красно-белый (*братцы*), красно-

¹⁸ Примеры из Национального корпуса русского языка www.ruscorpora.ru

¹⁹ Признак *мужественный* по отношению к женщине.

желто-черно-белый (*дурачок*), скотина (*синий*), красно-зеленый (*мерзавец*), красно-белый (*бродяга*), красно-бело-синий (*болван*), синий (*свинья, голубчик*), черно-красно-зеленый (*детка*). Значения цветов, конечно, разные, но их сочетания имеют интерпретационный потенциал при анализе целостных в смысловом отношении отрезков текста. Например, при преобразении Шарика в человека его первое речевое высказывание оценивается программой как сине-черно-зеленое, где синий и зеленый цвета интерпретируются как начало жизни (в том числе и духовной!), а черный нивелирует эти значения, внося семантику разрушения. Информантами данный вокатив однозначно ассоциируется с малообразованным невоспитанным человеком²⁰. Даже слово *свинья*, используемое в грубом просторечии, одиночно имеющее фоносемантическую оценку *легкий, безопасный, светлый, синий*, в речевом окружении повести становится *красно-сине-зеленым* (гнев, страстное желание, уверенность).

Подводя предварительные итоги, нельзя не отметить, что в художественном тексте функции обращения значительно расширяются и обогащаются. Они помогают создать образ героя, увидеть уровень его развития; используются с целью создания комического эффекта, мгновенно вводят читателя в обстановку повествования, подчеркивают социальное неравенство людей, их классовую принадлежность, их место на общественной «лестнице», а также их отношение друг к другу.

Фоносемантический анализ в процессе интерпретации художественного произведения, на наш взгляд, способен дать исследователю возможность прикоснуться к глубинным слоям смысла текста, поэтому может быть включен в методику его анализа. Вербализуется то, что было доступно лишь бессознательному читателю – не осознавалось им, но пробуждало ощущения, не связанные напрямую с фактуальной информацией текста. При этом сравнение и сопоставление расчетных и аудиторских данных представляет динамическую картину потенциального и реального смыслов, выявляемых на уровне фоносемантики. Анализ большого корпуса идеологически нагруженных и идеологически нейтральных текстов даже дал возможность проверить гипотезу о существовании своеобразной кодировки идеологических установок в тексте на разных уровнях – лексическом и фоносемантическом²¹.

²⁰ Само высказывание стало в современной речевой ситуации России прецедентным: его используют, когда хотят подчеркнуть ситуацию приниженности личности перед бюрократическим произволом.

²¹ Л. П. Прокофьева *Детская поэзия в контексте отечественной словесной культуры (Лексико- и фоносемантический аспекты)*, в кн.: *Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республиканского научного семинара (18-21 ноября, г.Саратов)*, Саратов 2009, с.272-278.

Наши исследования последних лет свидетельствуют о необходимости введения в общую методику анализа простейших психолингвистических экспериментов, оценивающих реальность восприятия приемов информантами, а соединение разных видов интерпретационного исследования может помочь выйти на новый уровень постижения картины мира, зафиксированной в языке и языком в каждый конкретный момент уходящего времени.

Сведения об авторах:

Выходцева Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка и культуры речи Саратовского государственного аграрного университета; закончила факультет русской словесности Педагогического института Саратовского государственного университета им.Н.Г.Чернышевского; научные интересы в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии; важнейшие публикации: *Концепт «свой-чужой» в досоветской и советской культуре: учебно-методическое пособие по спецкурсу.* – Саратов: ИЦ «Наука», 2009. – 74 с.; *Ключевое слово «товарищ» в словесной культуре// Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Материалы I Конгресса РОПРЯЛ.* Санкт-Петербург, 2008. – С. 292-297.

Прокофьева Лариса Петровна, доктор филологических наук, профессор; заведующая кафедрой русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета им.В.И.Разумовского; закончила филологический факультет Саратовского государственного университета им.Н.Г.Чернышевского; научные интересы в области психолингвистики, фоносемантики, анализа художественного текста; важнейшие публикации: *Звуко-цветовая ассоциация в языковом сознании и тексте*, Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.-2011.464с., *Синестетическая картина мира художника слова*, в кн.: *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр.*, Пермь 2009, вып.13, с. 210-219.